

ЭКСПЕДИЦИЯ ВЪ ДАРГО (1845 г.).

(Изъ дневника офицера куринскаго полка).

Въ послѣднихъ числахъ мая 1845 года, отрядъ кавказскихъ войскъ, равный числительностію небольшой арміи, выступилъ изъ кр. Внезапной, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго князя Воронцова. Войска, хотя медленно, но весело двигались по равнинѣ у подножія хребта, отдѣляющаго кумыкскую плоскость отъ Ичкеріи. День былъ ясный, погода тихая; направо переливающеюся зеленою стлалась цѣпь одѣвшихся заново горъ; тамъ и сямъ паръ изъ минеральныхъ источниковъ густымъ облакомъ поднимался къ небесамъ.

До 3-го іюня движеніе отряда происходило безъ особыхъ боевыхъ предосторожностей, какъ бы во время обыкновеннаго мирнаго похода. Въ этотъ день войска почевали на берегу р. Акса, у высотъ Буртунай (*).

(*) 3 іюня, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, кромѣ незначительной перестрѣлки на хубарскихъ высотахъ (передъ ауломъ Черкей), чеченскій отрядъ прибылъ на Герге, гдѣ наметъ дагестанскій отрядъ;—въ этотъ же день, знаменитая буртунайская позиція, за теренгульскимъ оврагомъ, служившая оплотомъ Салатави и сильно укрѣпленная, была оставлена непріателемъ, и 3 іюня, войска наши безъ боя заняли старый Буртунай. (Извлеч. изъ офиціальнѣхъ данныхъ).

Ред.

4 іюня, въ полдень, началась переправа чрезъ оврагъ, за которымъ движеніе наше должно было получить иной характеръ. Я былъ посланъ съ жолнерною командою занять въ общемъ лагерѣ мѣсто для трехъ баталіоновъ куринскаго полка. Въ этотъ день полкъ не могъ переправиться по случаю дождя, крутизны спуска, топкой дороги и многочисленности войскъ; онъ остался ночевать по сю сторону оврага.

Я, между тѣмъ, прибылъ къ своему мѣсту,—явился къ подполковнику генеральнаго штаба Левинсону, который указалъ мнѣ позицію для полка; разбилъ, гдѣ слѣдовало, колышки, и съ командою изъ десяти человѣкъ нижнихъ чиновъ, въ свою очередь, расположился на ночлегъ. Наступила темная ночь и скрыла въ себѣ и горы, и отрядъ; на землю спустился густой туманъ. Но все еще долго слышалось движеніе подходившихъ войскъ: шумъ, говоръ, стукъ оружія и ржаніе усталыхъ вьючныхъ коней. Измученный дневнымъ утомительнымъ переходомъ, я прилегъ на землю, положилъ подъ голову сѣдло, завернулся въ бурку и скоро заснулъ безмятежнымъ сномъ юности. Далеко внизу, у ногъ моихъ, шумя и пѣнясь по каменистому дну, мчалась быстрая рѣчка.

На утро, лишь только загорѣлась заря, и затѣмъ выглянуло изъ за хребта теплое майское солнце,—густой паръ быстро умчался въ пространство и обнажилъ голыя скалы Дагестана. Нѣсколько баталіоновъ, въ томъ числѣ и 1-й баталіонъ нашего полка, выступили на рекогносцировку. Къ одиннадцати часамъ мы уже перешагнули хребетъ по отвѣснымъ тропамъ, кое какъ приспособленнымъ для горныхъ орудій, которыя, однако, все таки подвигались на лямкахъ.—Отсюда началась Салатавія.

Послѣ привала въ глубокомъ ущельѣ, нашъ 1-й баталіонъ, въ три часа пополудни, пошелъ на приступъ горы Анчимееръ (*). подъ

(*) Гора Апчимееръ служила включемъ мичикальской позиціи, и которую горцы намѣревались защищать, привезя туда для этого одно орудіе.

градомъ пуль, ядеръ и камней. Подъемъ на вершину, на которую мы ползли, былъ чрезвычайно крутъ; день жаркій, воды нѣтъ. Все это до крайности насъ утомляло. Вершина горы была защищена мюридами, которые держались на ней до тѣхъ поръ, пока убѣдились, что сопротивленіе бесполезно; тогда они стали понемногу отступать. Поручикъ Мерклинъ занялъ гору, сбиль мюридовъ,—и они бѣжали. За Мерклинымъ вступили на высоты и прочія войска. Маркитангы бойко подвигались вслѣдъ за баталіонами, будучи вполне увѣрены, что если уцѣлѣютъ, то получатъ съ избыткомъ золото въ обмѣнъ на шампанское, которымъ наполнены были ихъ саквы, и на прочую живность, висѣвшую у нихъ въ сумкахъ черезъ плечо. Князь Воронцовъ слѣдилъ за движеніемъ войскъ съ противоположной высоты. Картина была своеобразная, но въ горахъ Кавказа не исключительная.

Когда при дружномъ и неумолкаемомъ «ура!» мы прошли полосу смерти и вступили на вершину,—намъ отрадно было сознать нашъ подвигъ, котораго мы достигли не только безъ страха, но и съ удовольствіемъ. Губы наши запеклись кровью отъ зноя и жажды; лица и платье были въ грязи; видимое изнеможеніе лучше всякихъ другихъ доказательствъ свидѣтельствовало о понесенномъ трудѣ.

Холодная дагестанская ночь доставила намъ сонъ—но лихорадочный;—тѣмъ болѣе, что мы были въ лѣтнемъ платьѣ.

6 іюня, въ командованіе нашими войсками вступилъ генералъ Пассекъ (*). Принявъ отрядъ, онъ двинулъ его по высотамъ, отдѣляющимъ Салатавію отъ Гумбета. Здѣсь и далѣе природа на-

(*) Желаніе привести въ ясность получаемыя обывчныя свѣдѣнія, побудило Воронцова лично удостовѣриться, въ какой степени возможенъ переходъ черезъ перевалъ Кыркъ. Съ этою цѣлью, главнокомандующій выступилъ 5 іюня въ томъ направленіи, взявъ съ собою палегкѣ первые баталіоны полковъ, часть кавалеріи и артилеріи;—командованіе отрядомъ поручено было генералу Пассеку, который и занялъ Алчимееръ. (Изв. изъ офиц. донныхъ).

горнаго Дагестана представляет мѣстность скалистую, обнаженную, лишенную ровныхъ пространствъ, пересѣченную множествомъ ущелій, почти всегда закутанныхъ въ густыя и мокрыя облака. Едва выбившаяся растительность замираетъ; самые лучи солнца какъ бы холодѣютъ отъ прикосновенія съ каменною и сырою почвою, словно земля, на которую они падаютъ, носить печать наказанія. Лишь только попадешь въ этотъ міръ—какая то безотчетная тоска охватываетъ душу, и невольно вспоминаются «иныя мѣста и лица», «которымъ по необходимости завидуешь.

Мы прошли до десяти верстъ—все поднимаясь къ облакамъ и изрѣдка пересѣкая ихъ на снѣжныхъ вершинахъ, то спускаясь внизъ въ ущелья и узкія долины, гдѣ струились холодные и быстрые потоки, то вновь поднимаясь еще выше. Къ вечеру отрядъ остановился на вершинѣ Зунумееръ, на пути изъ ущелья Мичикалъ въ Андію.

Одиннадцатое іюня застало насъ на снѣжной горѣ, подъ сумрачнымъ небомъ и открытымъ холоднымъ вѣтромъ. Облака, одно за другимъ, неслись надъ нашимъ бивуакомъ, какъ бы испытывая наше терпѣніе и мужество въ борьбѣ съ природою и ея стихіями.

Наши выюки остались въ главномъ отрядѣ. Въ теченіи пяти сутокъ, терпя недостатокъ въ необходимомъ, мы перебивались хуже цыганъ. Отсутствие топлива вынудило насъ обратить на дрова половинки кольевъ, которыми прикрѣпляются палатки; но, къ сожалѣнію, эта мѣра пригодилась на одинъ разъ;—да и каша, свареная на кольяхъ, оказалась наполовину сырою. Затѣмъ, у насъ не осталось даже и крупъ: нечего было варить. На пятый день ночью пріѣхалъ къ намъ, подъ прикрытіемъ сотни милиціонеровъ, юнкеръ нижегородскаго полка, графъ Чапскій, который, зная наше бѣдственное положеніе, привезъ для насъ манерку спирта и фунта три колбасы. Рано утромъ мы собрались у кургана, гдѣ стояло наше горное орудіе, и Чапскій, откупоривъ манерку, отпускалъ каждому, по желанію, спиртъ,—впрочемъ, не выше одной чарки. Пьющій и

непьющій глотали этотъ спиртъ, не разводя его даже водою, которой, впрочемъ, и не было; воду замѣняли намъ снѣгъ.

Въ этотъ же день, 11 іюня, прибыли наши व्यюки,—что доказывало близость главнаго отряда. Мы переодѣлись, хорошо поѣли и нѣсколько оправились; —хотя ноги наши, опухшія отъ сырости и холода, давали себя чувствовать очень больно.

Ненастная погода все таки продолжалась; люди стали болѣть—чему много способствовало отсутствіе теплой одежды. Лошади падали отъ голода и стужи. Хотя генераль Пассекъ увѣрялъ всѣхъ, что мы скоро оставимъ эту позицію и сойдемъ на долину, но самъ не зналъ, когда постигнетъ насъ это счастье.

12 іюня мы увидѣли главный отрядъ (*), который, двигаясь по плоскогорью и обойдя, такимъ образомъ, нашъ лагерь, остановился на ночлегъ при входѣ въ Андію, невдали отъ такъ называемыхъ андійскихъ воротъ. Генераль Пассекъ получилъ приказаніе присоединиться къ главному отряду. Ударили сборъ. Но пришлось очень долго собирать солдатъ, которые, зная, что ѣсть нечего и что никакой службы нѣтъ, лежали молча подъ снѣгомъ въ своихъ ямахъ, по два въ каждой. Палатки у насъ хотя и водились, но ихъ не доставало даже для офицеровъ.

Лишь только мы спустились съ горы, насъ пригрѣло солнышко—и мы ожили. Но все же изъ головы не выходила неотвязная мысль: къ чему всѣ эти жергвы, эта гибель людей и денегъ въ борьбѣ съ врагомъ и природою, бесполезная трата времени для прочнаго покоренія Кавказа, неподдающагося ложной системѣ войны, затягиваемой, подъ разными предлогами, цѣлые десятки лѣтъ?

13-го іюня нашему 1-му баталіону, подъ командою полковника графа Бенкендорфа, приказано было отступить назадъ и занять ва-

(*) Главный отрядъ выступилъ 11 числа съ Мичикала къ Горольгоху, гдѣ соединился съ войсками Пассека, а 12 расположился въ виду андійскихъ воротъ, которыя были укрѣплены горцами. (Изв. изъ офиц. данныхъ).

генбургъ въ ущельѣ Мичикалъ, для охраненія сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурою.

До 26-го іюня главныя силы отряда стояли въ Андіи безъ всякаго дѣла; ту же участь испытывалъ и нашъ баталіонъ. Мы стояли на высотѣ, съ которой за сто верстъ, сквозь нѣжный воздухъ юга, виднѣлся, какъ тонкая лента, Терекъ съ долиною, по которой бѣжалъ,—съ станицами и городами на ней. До насъ доходили свѣдѣнія, что мы должны будемъ любоваться этою картиною еще до тѣхъ поръ, пока отрядъ будетъ снабженъ довольствіемъ на двѣ недѣли, и оставимъ нашъ лагерь только съ послѣднимъ транспортомъ изъ Шуры... Къ счастью, этого пришлось ожидать недолго,—черезъ нѣсколько дней мы присоединились къ главнымъ силамъ, расположеннымъ въ Андіи.

Заранѣе можно было видѣть всю нерасчетливость нашей экспедиціи, въ результатѣ которой должны будутъ оказаться наши невозвратимыя потери,—можетъ быть, даже неудача. И если она явится, то усилить въ горахъ самоувѣренность и надежды, могущія гибельно отозваться для насъ на всемъ краѣ (что, дѣйствительно, и произошло потомъ, въ 1846 г., въ Кабардѣ).

Отъ сырости и холода у насъ въ Мичикалѣ переболѣлъ весь баталіонъ, не исключая и офицеровъ; отъ недостатка зимней обуви многіе на горѣ Соухъ-Булакѣ поотмороживали себѣ ноги. Но къ тому времени, когда получено было приказаніе объ отступленіи, мы всѣ—болѣе или менѣе—оправились.

Мы присоединились къ главному отряду. Положеніе его было сравнительно хорошее, такъ какъ онъ вдоволь пользовался всякимъ довольствіемъ. Но и это довольствіе чрезъ недѣлю замѣтно изсякло; даже явилась нужда въ необходимыхъ продуктахъ. А войска все таки стояли въ совершенномъ бездѣйствіи и праздности;—медлительность была невѣроятная. При этомъ условіи горцамъ предоставлялась возможность со всѣхъ трущобъ собраться въ ичкеринскіе лѣса и вполне окружить насъ. За столѣтними чинарами Ичкеріи, хорошо намят-

ными куринцамъ, слѣдовало ожидать новой катастрофы; судя по неопытности распорядителей, это ожиданіе стояло внѣ всякаго сомнѣнія.

6-го іюля отрядъ, наконецъ, снялся и, отдѣльными колоннами, прикрывая усердно обозъ и артилерію, тронулся въ Дарго. Движеніе происходило сперва у подножія скалъ, по тропамъ, пробитымъ саперами, потомъ по уступамъ горъ.

Вскорѣ мы увидѣли знаменитые ичкеринскіе лѣса.—Въ Дарго мы шли около двухъ сутокъ.

7 іюля. Лагерь въ Дарго.

Столица Шамя, къ которой направлены были тысячи желаній, которую каждый домогался видѣть съ нетерпѣніемъ, предполагая, что со взятіемъ ея прекратятся всѣ томительные труды, эта столица—Дарго, наконецъ, у нашихъ ногъ. Огрядъ занялъ ближайшія къ аулу высоты, у подножія которыхъ лѣпились обгорѣлыя сакли и виднѣлся плетень, огораживавшій дворецъ Шамя. Видъ на долину Акся восхитительный. По ней разбросаны группами многолѣтнія деревья, струятся холодные и чистые, какъ кристалъ, источники,—и все это стянуто вокругъ горами и темными ущельями, гдѣ, благодаря густой тѣни и отсутствію солнечныхъ лучей, царятъ какъ бы вѣчные сумерки. По ту сторону долины, прямо противъ насъ, на высотахъ, въ видѣ отдѣльныхъ дачъ, раскинулась, такъ называемая, «артилерійская» слободка, и среди нея—лагерь Шамя.

Занятіе Дарго передовыми войсками отряда стоило намъ до 70 нижнихъ чиновъ убитыми, не считая раненыхъ. Кромѣ того, убиты: генераль Фокъ, колонновожатый—генеральнаго штаба подполковникъ Левинсонъ, многіе штабъ и оберъ-офицеры, которыхъ, впрочемъ, я не зналъ,—да и спрашивать объ нихъ было некогда.

Дорога изъ Андін въ Дарго, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, идетъ по откосамъ обнаженныхъ скалъ, потомъ направляется по опушкѣ вѣковыхъ чинаръ, поднимается вверхъ и вновь, около че-

тырехъ верстѣ, спускается по лѣсистому хребту въ долину Дарго. Это—послѣдній и самый трудный переходъ, которому горцы противодѣйствовали съ большимъ упорствомъ, такъ что приходилось штурмовать каждый перелѣсокъ. Когда, 7 іюля, колонна въ полдень вступила въ Дарго—аулъ уже былъ сожженъ, по приказанію Шамиля. Нашею военною добычею могли бы быть два орудія, зарытыя непріателемъ въ землѣ; но ихъ, такъ сказать, изъ подъ носа у насъ утащили горцы ночью, и мы объ этомъ узнали отъ солдатъ только на слѣдующій день, когда ими были найдены двѣ свѣжевскрытыя ямы.

Къ вечеру стянулся весь отрядъ (*). Но что въ этомъ пользы! Мы имъ не могли утѣшить непріятеля сколько потому, что онъ видимо чувствовалъ себя сильнымъ нравственно и количественно, столько же и потому, что густой туманъ препятствовалъ ему разсмотрѣть нашъ обширный лагерь.

10-го іюля выстрѣлы изъ орудій и сигнальныя ракеты намъ дали знать, что давножданый транспортъ съ провіантомъ подошелъ уже къ опушкѣ того вѣзоваго лѣса, который не разъ встрѣчалъ насъ такъ непривѣжливо. Согласно въ свое время сдѣланнымъ распоряженіямъ, командиръ транспортной колонны, состоявшей изъ шести ротъ куринскаго полка, полковникъ Юлингъ, достигнувъ указаннаго мѣста, долженъ былъ извѣстить о своемъ прибытіи, выждать выхода къ нему навстрѣчу войскъ изъ главнаго отряда,—и сдать имъ провіантъ. Для выполненія этого приказанія была назначена половина людей отъ каждой части войскъ, т. е. половина всѣхъ наличныхъ силъ отряда. Встрѣчное же движеніе войскъ, въ послѣдствіи, получило названіе «сухарной охоты». Этимъ встрѣчнымъ отрядомъ командовалъ генералъ Клюгенау, авангардомъ—генералъ Пассекъ; а арьергардомъ—генералъ Викторовъ. Войска выступили изъ лагеря въ должномъ порядкѣ, забравъ съ собою всѣ,

(*) Арьергардъ прибылъ къ Дарго въ восемь часовъ утра 7 іюля.

какіе было возможно, व्योжи. Впереди шель баталіонъ кабардинскаго полка; генераль Ключенау повель его вдоль хребта по ужасной лѣсной дорогѣ, а остальные войска оставилъ на произволь судьбы. На долю ихъ выпала дорога также дурная; а тутъ еще, какъ на бѣду, пошелъ дождь и размылъ глинистую почву. Отъ этого крутые подъемы сдѣлались до того скользки, что войска поневолѣ должны были идти враздробъ,—вслѣдствіе чего утратили строй, растянулись до невѣроятности и пришли въ безпорядокъ. Горцы воспользовались этими обстоятельствами и открыли самое отчаянное и жестокое нападеніе. Милиціонеры, составлявшіе лѣвую цѣпь, были почти всѣ перерѣзаны; рота куринаго полка, находившаяся въ правой цѣпи, растянулась, растеряла своихъ людей и растерялась вообще; въ обозѣ произошелъ страшный хаосъ:—горцы врывались въ середину его, хватали солдатъ за перевязи, убивали ихъ, грабили все, что попадалось подъ руку. Изъ саквъ, изрѣзанныхъ пашками и кинжалами, сыпались по дорогѣ золотыя и серебрянныя монеты; изъ бурдюковъ, пробитыхъ пулями, лился спиртъ; по землѣ, въ бутылкахъ, валялось дорогое вино и множество съѣстныхъ припасовъ, везенныхъ маркитантами для отряда! Солдаты съ жадностію кидались на добычу—и тутъ же погибали отъ мѣткихъ выстрѣловъ непріятеля; узкія мѣста дороги были буквально загромождены ихъ тѣлами. Аріергардъ выдержалъ первый натискъ непріятеля довольно стойко и мужественно, но потомъ дрогнулъ и отступилъ, оставивъ въ рукахъ его, между прочимъ, два орудія и гробъ генерала Фока. Галуны на этомъ гробѣ болѣе всего привлекли вниманіе горцевъ;—они тотчасъ оборвали ихъ, а тѣло выбросили на съѣденіе зѣбрей. Пассекъ и Викторъ были убиты. Ихъ тѣла, подобно тѣлу Фока, также не пощажены неумолимою судьбою. Одинъ изъ баталіоновъ войскъ пятаго корпуса, находившійся въ аріергардѣ, былъ отброшенъ въ обозъ, оставилъ тѣла убитыхъ и раненыхъ и еще болѣе усилилъ и безъ того крайній безпорядокъ отряда. Всѣмъ этимъ горцы, конечно, пользовались съ успѣхомъ.

Вотъ послѣдствія непростительной ошибки Ключенау.

Не то было бы, если бы отрядъ подвигался неспѣшно, стягиваясь тамъ, гдѣ это было необходимо. Тогда одна часть войска могла бы помогать другой. Это не утомляло бы людей, а горцы не осмѣливались бы быть такъ дерзки; намъ же нечего было спѣшить. Важная еще ошибка заключалась въ томъ, что князь Воронцовъ вѣрилъ отрядъ тому генералу, который двѣнадцать лѣтъ воевалъ исключительно въ Дагестанѣ и не имѣлъ никакой практики для веденія войны въ лѣсахъ Ичкеріи и вообще Чечни. Въ первомъ случаѣ, орудійная стрѣльба по открытымъ мѣстамъ, каковы скалистыя горы, всегда оставляла побѣду за нами; во второмъ—она къ дѣлу неприменима, такъ какъ въ Чечнѣ и Ичкеріи каждая естественная преграда, въ родѣ оврага, уступа и т. п., составляетъ своего рода заваль, поддающійся скорѣе штыку и шашкѣ, чѣмъ гранатѣ и даже картечи; каждое дерево, скрывая за собою человѣка, есть • другого рода заваль и надежнѣйшая защита для врага. Что же касается до самаго генерала Ключенау, то личная его ошибка состояла въ томъ, что легкія войска онъ увелъ впередъ, до самой опушки лѣса, гдѣ находился Юлингъ, а отягченные выюками оставилъ позади. Горцы же отлично рассчитали свой маневръ: они пропустили баталіонъ кабардинцевъ вмѣстѣ съ ихъ военачальникомъ, генераломъ Ключенау, и тотчасъ отрѣзали его отъ остальныхъ войскъ, загромоздивъ въ то же время дорогу наскоро устроенными завалами. Генераль Ключенау, пройдя лѣсъ, остановился въ ожиданіи колонны; между тѣмъ, она въ то самое время была уже разбита, потеряла своего начальника и лучшихъ офицеровъ. Только въ полночь прибыли къ нему остатки ея—въ самомъ жалкомъ видѣ, въ раздробленномъ и разстроенномъ состояніи. Рождается вопросъ: почему ген. Ключенау, видя медленность прибытія отряда, слыша сильную и непрерывную пальбу, не повернулъ обратно на выручку баталіоновъ? Онъ, вѣроятно, не предполагалъ, что, по уходѣ его, колонна была остановлена, и что головной баталіонъ, объятый паническимъ страхомъ,

отказался идти на завалы. Генераль Пассекъ не могъ уговорить растерявшихся солдатъ, ни воскресить въ нихъ мужество. Баталіонъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежалъ къ 5 корпусу. Каждый шагъ нашего движенія доставался намъ цѣною десятковъ нашихъ воиновъ—убитыхъ и раненыхъ. Солдаты, потерявъ своихъ храбрыхъ и лучшихъ офицеровъ, никого и слушать не хотѣли,—они бѣжали толпою или поодионокѣ; но, при этомъ, въ каждомъ изъ нихъ замѣчалось стремленіе подвигаться впередъ, по направленію къ цѣли. Горцы же старались каждому изъ нихъ преградить дорогу: врѣзывались въ середину, били, убивали, сбрасывали въ пропасть. Когда головной баталіонъ дрогнулъ и остановился передъ заваломъ,—мы лишились послѣдней надежды поддержать въ войскахъ порядокъ. Генераль Пассекъ, какъ говорили, изрубилъ знаменнаго унтеръ-офицера, бросилъ баталіонъ, одинъ побѣжалъ впередъ, вскочилъ на заваль—и тутъ же поплатился жизнью за свою отвагу и геройство. Въ это время подоспѣли къ завалу около двухъ взводовъ нашей роты, выбили горцевъ—и чуть живаго Пассека подняли на руки. Едва успѣвъ проговорить: «Прощай, моя храбрая бригада!» (*)—онъ скончался; и съ послѣдними словами его кавказскія войска лишились наилучшаго и храбрѣйшаго генерала.—А, бывало, мы летали за нимъ, какъ за орломъ, въ тѣснинахъ Дагестана, въ лѣсахъ Ичкеріи и вездѣ побивали непріятеля. Вездѣ и всегда храбрый, находчивый передъ врагомъ, ласковый и справедливый передъ подчиненными, онъ всѣхъ заставилъ цѣнить свой умъ, любить его, какъ дорогаго товарища боевой жизни. Никто изъ насъ не позабудетъ его доблестей; каждый до кончины будетъ вспоминать объ немъ, какъ о благороднѣйшемъ и добрѣйшемъ изъ начальниковъ. Враги его боялись, а мы любили. Миръ праху его!

Трупъ генерала Пассека былъ нами переданъ главному баталіону все того же 5 корпуса; но куда онъ потомъ дѣвалъ эти

(*) Бригаду эту составляли куринскій и кабардинскій полки.

драгоценные останки—Богъ его знаетъ. Вслѣдствіе помощи, поданной нашею ротою, часть обоза уцѣлѣла,—что нужно отнести къ чести и храбрости ротнаго командира, капитана Посыета, поплатившагося за это сперва своею ногою, а затѣмъ и жизнью. Всѣ эти несчастія опять таки произошли отъ нераспорядительности генерала Ключеная: колонна шла туда и обратно, на протяженіи 8 верстъ, двое сутокъ. И это произошло не отъ медленности марша, а отъ безпорядка. Безпорядокъ царствовалъ до самаго возвращенія колонны въ Дарго, куда она явилась толпою. Убитые и раненые въ баталіонахъ, кромѣ кабардинскаго, находившагося въ арьергардѣ, были брошены, исключая убитыхъ и раненыхъ куринцевъ и кабардинцевъ, которые были взяты своими товарищами и, съ горемъ пополамъ, доставлены въ лагерь. Вообще, пораженіе операціонной колонны было полное и совершенное.

Нѣтъ словъ для описанія тѣхъ раздирающихъ душу сценъ и картинъ, которыя происходили среди этой роковой битвы между непріателемъ и нами, при превосходствѣ нашихъ силъ. Когда безпорядочная толпа нашихъ разбитыхъ войскъ подходила къ лагерю,—на помощь ей была послана вторая половина кабардинскаго баталіона. Она отстояла намъ нѣсколько выюковъ, штукъ сорокъ скота, нѣсколько раненыхъ офицеровъ, два чемодана съ почтою и клочки изнуреннаго и окровавленнаго войска, на которые невозможно было смотрѣть безъ сожалѣнія.

Зачѣмъ было стоять цѣлую недѣлю въ Дарго? Имѣлась ли тутъ въ виду какая либо цѣль, или это была простая и безцѣльная медлительность, стратегическая ошибка, ничѣмъ неисправимая и неизгладимая? Вотъ вопросы, на которые трудно отвѣтить.—При вступленіи нашемъ въ Дарго, у насъ было раненыхъ немного въ сравненіи съ тѣмъ прикрытіемъ, которое мы имъ могли доставить; кромѣ того, войска наши были воинственнаго духа, въ особенности послѣ сраженія въ Дагестанѣ.—Коль скоро горцы сами уничтожили Дарго—и тѣмъ упредили нашу собственную цѣль, то что насъ обя-

зывало: 1) не отретироваться въ Герзель-ауль, а оставаться на мѣстѣ цѣлую недѣлю; 2) давать возможность скопищамъ непріятеля собраться, усилиться и укрѣпиться; 3) предпринять какую-то безполезную рекогносцировку на противоположныя высоты, въ артиллерійскую слободку, гдѣ, какъ видно, мы соблазнились нѣсколькими домишками и палатками Шамиля; 4) уничтожить въ теченіи этого времени запасы провіанта и, наконецъ, послать колонну за сухарями, тогда какъ въ свое время съ наличными сухарями мы во всякомъ случаѣ могли добраться до Герзель-аула, имѣли бы мало раненыхъ, сохранили бы духъ въ нашихъ войскахъ?...

Говорятъ, что, по взятіи Дарго, имѣлось въ виду устроить временныя укрѣпленія, производить изъ нихъ набѣги и, такимъ образомъ, тѣснить горцевъ. Но объ этомъ нельзя было и думать, во первыхъ потому, что мы уже испытали трудность сообщенія посредствомъ вагенбурговъ съ Шурою, откуда довольствовался отрядъ; во вторыхъ, эти мѣста весьма населены, и, кромѣ того, горцы, даже въ минуты нашихъ боевыхъ движеній, постоянно прибывали изъ мирныхъ нашихъ ауловъ, усиливая этимъ средства непріятеля и будучи привлекаемы приманкою добычи и грабежа. Естественнo, что приливъ ихъ въ болѣе безтревожное время, когда они могли бы достигать цѣли безнаказаннѣе, былъ бы еще болѣе. Втретыхъ, мѣстность не позволяла производить открытые набѣги;—и если бы намъ пришлось посылать для этой надобности легкіе отряды, то они бы, по всей вѣроятности, гибли безвозвратно въ лѣсахъ и на узкихъ дорогахъ подъ кинжалами горцевъ. Затѣмъ, если предполагали, что горцы, утѣшась нашего отряда и потерявъ свою плегневую столицу, приплютутъ къ намъ депутатовъ съ просьбою о пощадѣ и мирѣ, то такое предположеніе вполнѣ было достойно смѣха. Послѣ всего этого, еще разъ спрашивается: какая цѣль была стоять такъ долго и безполезно въ Дарго?

Горцы дрались съ нами отчаянно, потому что, разъ помѣривъ свои силы и увидѣвъ какую-то несвязность нашихъ дѣйствій, не-

имѣвшихъ положительной идеи, одушевились геройствомъ; кромѣ того, мужество ихъ усиливалось алчностью добычи; наконецъ, они боялись Шамиля. Послѣдній, радѣя о своей личной свободѣ и о своемъ господствѣ, а также боясь утратить это господство надъ народомъ, котораго *сзумѣлъ убѣдить* въ фанатизмъ, дѣйствовалъ страхомъ жестокаго наказанія надъ виновными за неповиновеніе его власти, каралъ мюридовъ за побѣги, и вообще,—или казнилъ ослушниковъ его воли, или бросалъ ихъ въ яму, гдѣ они отъ темноты теряли зрѣніе, а отъ сырости и голода—силы и, конечно, умирали. Всѣ эти мѣры и это деспотическое вліяніе на народъ, по необходимости, заставляло послѣдній драться и быть героемъ даже тогда, когда вовсе того не хотѣлось.

Была и еще одна причина нашего пораженія: среди насъ были военачальники, которымъ уже не разъ доставалось отъ горцевъ; за княземъ же Воронцовымъ пока не водилось этихъ неудачъ. Вотъ и нужно было его поровнять съ собою, иначе—если ему сойдетъ благополучно—старымъ кавказскимъ воинамъ было бы совѣстно. Послѣдніе, дѣйствительно, достигли цѣли;—разница между ними и кн. Воронцовымъ обнаружилась только въ томъ, что каждый изъ нихъ сгубилъ по семи тысячъ солдатъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а князь Воронцовъ сзумѣлъ уходить семь тысячъ своихъ же людей въ одинъ пріемъ.

14-го іюля (*) отданъ былъ приказъ снять лагерь и сжечь его. Намъ предстояло постыдное бѣгство изъ Дарго, которое въ эту же ночь совершилось при сильной бурѣ. Она будто самымъ providѣніемъ была намъ послана для того, чтобы оказать пособіе въ

(*) Въ четыре часа утра, 13 іюля, дѣйствующій отрядъ, забравъ всѣхъ раненыхъ и больныхъ, двинулся изъ лагеря при селеніи Дарго къ позиціи, занимаемой Шамилемъ у Цонтери, на урочищѣ Кетечъ-коргъ (курганъ совѣщанія), гдѣ и имѣлъ почлегъ. 14 іюля, въ 4 часа утра, отрядъ продолжалъ слѣдованіе въ направленіи къ сел. Шуани. (Извлечено изъ официальныхъ данныхъ).

уничтоженіи лагеря и тѣмъ, быть можетъ, избавиться отъ новой, еще худшей бѣды. Горцы, сплотившись тысячами, ожидали насъ на двухъ дорогахъ, которыя перебороздили завалами. Но мы случайно попали на третью, совершенно противоположную дорогу, которая горцами почему то была упущена изъ виду. Поздно ночью (*) отрядъ нашъ тихо двинулся и къ разсвѣту безъ выстрѣла достигъ высоты, гдѣ была расположена артилерійская слободка. Горцы спохватились, но было поздно; свои орудія они боялись подвезти на близкую дистанцію, и хотя стрѣляли издалека, но безъ вреда для насъ.

Говорятъ, что нашииъ счастливымъ отступленіемъ мы обязаны слѣдующему обстоятельству, за достовѣрность котораго, впрочемъ, не ручаюсь: наканунѣ нашего выступленія явился къ князю Воронцову какой то нашъ бѣглый артиллеристъ и объявилъ, что такъ какъ дороги непріятелемъ заняты, а онъ жалѣетъ своихъ земляковъ и прежнихъ сослуживцевъ, то хотѣлъ бы провести отрядъ по особой дорогѣ безъ урона. Князь Воронцовъ будто бы принялъ это предложеніе, обѣщая исходатайствовать дезертиру Высочайшее помилованіе. Затѣмъ, когда дезертиръ исполнилъ свое обѣщаніе, то, говорятъ, скрылся за день до прибытія генерала Фрейтага, убѣжавъ снова въ горы къ своей женѣ.

Съ 14 по 18 іюля отрядъ нашъ, среди постоянныхъ битвъ съ горцами, подвигался къ ур. Шаухаль-Берды, чтобы отдохнуть отъ чрезмѣрныхъ трудовъ. Затѣмъ, чрезъ три дня онъ уже двигаться не могъ столько же по случаю болѣзней, сколько и потому, что былъ окруженъ тысячами горцевъ.

Отъ Шаухаль-Берды до Герзель-аула оставался одинъ переходъ. У Шаухаль-Берды мы простояли два съ половиною дня (**) подѣ

(*) Въ этотъ день войска прошли около 12 верстъ по трудной мѣстности, непрерывно сражались — и расположились на ночлегъ на высотѣ неподалеку селенія Исса-Юртъ. (Извлечено изъ офиціальныя данныхъ).

(**) 17-го и 18-го іюля.

канонадой двухъ (*) непріятельскихъ орудій, направленныхъ на насъ со скалы на правомъ берегу р. Аксал. Сперва гранаты летѣли къ намъ часто, потомъ рѣже. Вѣроятно, горцы берегли ихъ для другаго случая. Что касается до насъ, то мы изъ котловины могли отстрѣливаться только конгревовыми ракетами; да и тѣ не приносили горцамъ никакого вреда. Уже двѣнадцать дней не было у насъ сухарей; но куринцы не унывали. Солдаты и милиціонеры ползкомъ забирались за цѣлую версту къ опушкѣ лѣса, гдѣ была посѣяна пшеница, и приносили оттуда снопы, которые продавали по 20 к. за штуку. Нѣтъ сомнѣній, что многіе платили жизнью за подобную рѣшимость и за столь скудную добычу. Мы обмолачивали эти снопы и изъ зеренъ варили кашу. Хотя каша оставалась все таки полусырою, но мы съѣдали ея нѣсколько ложекъ въ день, и тѣмъ поддерживали если не силы, то покрайней мѣрѣ, наше существованіе.

Трудно вѣрить, что въ теченіи 13 дней мы сдѣлали всего около сорока верстъ и, кромѣ того, съ утра до поздняго вечера были въ схваткахъ съ непріателемъ. На каждомъ шагѣ для насъ стояла смерть. На протяженіи нашего пути мы взяли съ боя около двадцати заваловъ, наскоро сдѣланныхъ горцами, и до укрѣпленія Герзель-аула, такъ сказать, на штыкахъ вынесли славное имя куринцевъ. Стояли же мы въ Шаухаль-Берды поневолѣ, именно потому, что не имѣли возможности прикрыть обозъ и раненыхъ. Я слышалъ отъ дежурнаго штабъ-офицера П. Л., когда перевязывалъ ему отбитую въ этомъ походѣ руку, что было сдѣлано секретное распоряженіе: если Фрейтагъ не прійдетъ на выручку къ ожидаемому сроку, то отрядъ изъ людей, находящихся въ строю и способныхъ сражаться, долженъ былъ ночью выйти тихо изъ лагеря, бросивъ все, что могло затруднять его отступленіе, и что само по себѣ не могло слѣдовать при немъ—обозъ, раненыхъ и т. п. Намъ же было извѣстно,

(*) Трехъ орудій.

что горцы рѣшили продлить наше положеніе дни на четыре, потомъ со всѣхъ сторонъ атаковать насъ и разомъ порѣшить дѣло шашками и кинжалами. Положимъ, что въ этомъ случаѣ мы бы стояли за себя; но они могли насъ заставить или умереть на мѣстѣ, или—что еще хуже—отступить, оставивъ имъ въ добычу нашихъ больныхъ, раненыхъ и всѣ тяжести. Кровавая была бы картина для нашихъ взоровъ, когда эти тысячи несчастныхъ собратій нашихъ, не имѣя силы защищаться, умирали бы подъ ударами разбойничьего кинжала. Три пары охотниковъ, въ каждой по казаку и по одному кабардинцу, были посланы отъ насъ къ генералу Фрейтагу дать знать о нашемъ бѣдственномъ положеніи и поторопить его идти къ намъ на выручку. Срокъ прибытія Фрейтага приближался; роковое распоряженіе еще не было объявляемо; оно таилось въ благородныхъ сердцахъ нашихъ начальниковъ, которые думали убраться поскорѣе въ добромъ здоровьи. Такимъ образомъ, бѣда была надъ головою, а мы ее и не подозрѣвали. Благодареніе Господу, что Онъ, по великому милосердію своему, пощадилъ насъ и не допустилъ до такой постыдной гибели, еще небывалой на Кавказѣ. Да надо было подумать и о томъ, какъ принялъ бы отрядъ подобное распоряженіе, и бросили ли бы солдаты своихъ товарищей добровольно на истязаніе и глумленіе врагу. Мнѣ кажется, что это секретное распоряженіе могло надѣлать много шума въ войскѣ, непривыкшемъ къ постыдному поступку—бросить въ бѣдѣ товарища, или оставить на поруганіе—своихъ отцовъ, братьевъ, друзей, дѣтей. Мы всѣ согласились бы лучше или умереть голодною смертію, или драться до послѣдняго издыханія,—по не посрамить славы русскаго оружія. Я это говорю на томъ основаніи, что видѣлъ и зналъ духъ отряда, хотя недовольнаго, разочарованнаго въ своихъ ожиданіяхъ, измученнаго голодомъ и лишеніями, но бодрого нравственно, терпѣливаго и нисколько не добивавшагося орденовъ и отличій, когда дѣло касалось спасенія людей, наполовину уже погибшихъ отъ ранъ, невзгодъ, болѣзней. «Богъ съ ними, съ наградами-то, поговаривали солдаты; лишь бы благо-

получно выбраться отсюда.» Вотъ почему было опасно приводить въ исполненіе задуманное распоряженіе, обѣщавшее столь гибельныя послѣдствія.—Лежа въ своемъ балаганѣ, я прислушивался ко всему этому и записывалъ случаи дня и прочія новости, которыя даютъ намъ нынѣ понятіе о томъ, что происходило въ средѣ нашихъ отрядныхъ великихъ людей.

Весь штабъ князя Воронцова, вытѣсненный гранатами и ядрами изъ роскошной шаухальской котловины, переселился къ нашему баталіону въ лѣвой цѣпи. Шагахъ въ тридцати отъ меня, подъ бурьяннымъ навѣсомъ отъ солнца, сидѣлъ кн. Воронцовъ, исхудалый, печальный, и дрожащими руками наводилъ зрительную трубку къ невидимому Герзель-аулу, откуда долженъ былъ явиться нашъ всегдашній спаситель—Фрейтагъ. До роковаго приказа, какъ я узналъ впослѣдствіи, оставались еще сутки. Князь Воронцовъ видимо болѣлъ душою, страдалъ самолюбіемъ. Онъ былъ одинъ, и вокругъ—никого. Онъ долго смотрѣлъ въ густую даль лѣсовъ,—не заблеститъ ли оттуда лучъ надежды и штыкъ спасенія. А между тѣмъ, съ другой стороны горцы осыпали насъ ядрами и гранатами.

Запоздалое отступленіе изъ Дарго, рекогносцировки и сухарная оказія донельзя ослабили наши силы. Войскъ было слишкомъ мало для того, чтобы прикрыть до 9 тысячъ व्यюковъ, тысячи раненыхъ и артилерію. Многіе баталіоны, входившіе въ составъ нашего отряда, были разсыпаны по Дагестану въ вагенбургахъ, устроенныхъ для охраненія сообщеній съ Шурою, и ихъ невозможно было присоединить къ намъ при отступленіи изъ Дарго. Во всемъ отрядѣ оставалось лишь два надежныхъ баталіона, на которые князь Воронцовъ могъ положиться—куринскій и кабардинскій; но они были очень малочисленны. Надежность этихъ баталіоновъ оправдалась на дѣлѣ, когда отрядъ отступалъ къ Шаухаль-Берды: двигаясь по лѣвому берегу Аксая и имѣя запитою обрывистый берегъ, а также глубокую и широкую рѣку, онъ опирался, въ лѣвой цѣпи, на 1-й баталіонъ куринскаго полка, который шелъ цѣпью и

сбивалъ всѣ боковыя завалы, а въ арьергардѣ былъ прикрытъ первымъ баталіономъ кабардинскаго полка. Отъ этихъ двухъ баталіоновъ зависѣла участь всего отряда, и если онъ уцѣлѣлъ до Шаухаль-Берды, то только потому, что куринцы и кабардинцы съ честью исполнили свой долгъ и оправдали общее довѣріе, какъ доблестные кавказцы. Баталіоны же пятаго корпуса, шедшіе въ той же цѣпи и въ авангардѣ, не разъ останавливались передъ завалами до тѣхъ поръ, пока куринскіе офицеры вызывали изъ нихъ охотниковъ и, бросаясь съ ними на приступъ, овладѣвали тѣми завалами.

Между тѣмъ, когда нашъ 1-й куринскій баталіонъ выступилъ въ походъ изъ кр. Внезапной, онъ былъ въ слѣдующемъ составѣ: 700 чел. нижнихъ чиновъ и до 30 офицеровъ. Въ Апдін къ нему присоединено было еще 2 роты 3-го баталіона куринскаго же полка, — и того: 850 нижнихъ чиновъ. Въ Шаухаль-Берды оказалось: въ карабинерной ротѣ 38 нижнихъ чиновъ и изъ шести офицеровъ — одинъ; во второй — 70 нижн. чиновъ и 2 офицера, въ третьей — то же число нижнихъ чиновъ и три офицера. Такимъ образомъ, недоставало 603 чел. нижн. чиновъ и 23 офицера убитыми и ранеными. Кабардинскій баталіонъ былъ составленъ точно такъ же и понесъ такую же потерю. По этимъ двумъ баталіонамъ, гдѣ ни одинъ изъ солдатъ не допустилъ себя бытъ изрубленнымъ шашкою или кинжаломъ, можно судить о другихъ частяхъ войскъ, которыя постоянно штурмовали завалы и падали въ рукопашной схваткѣ. — Въ общемъ, мы все таки, не смотря на свои потери, доказали горцамъ, что для русскихъ не было непреступныхъ мѣстъ.

Въ одной сухарной оказіи у насъ ранено и убито до двухъ тысячъ нижнихъ чиновъ, да кромѣ того рекогносцировка стоила намъ до ста человѣкъ; наконецъ, изъ фронта очень много вышло больныхъ солдатъ, не говоря о тѣхъ, что были употреблены на несеніе раненыхъ офицеровъ. Причиною нашихъ потерь, въ особенности при отступленіи изъ Дарго, было отчасти и то, что за смертью Пассека, павшаго такъ молодцею, у насъ хотя и оставались не-

многіе способные вожди, но они были крайне неопытны, не умѣли руководить войсками и не заботились о нихъ; въ необходимыхъ случаяхъ ихъ невозможно было даже розыскать, чтобы испросить нужное приказаніе.

17 іюля. Лагерь у Шаухаль-Берды.

Лагерь раскинутъ на правомъ берегу Аксая, протекающаго въ котловинѣ подъ скалистыми утесами. Далѣе мѣстность окаймлена горами и холмами, поросшими лѣсомъ. Роскошно украшена она природою во благо человѣка, обогрившаго теперь ее кровью, огласившаго стопами по случаю смертельныхъ ранъ, полученныхъ въ безсильной и бесполезной даргинской прогулкѣ.

Одинъ случай доказываетъ, насколько горцы съумѣли повліять на упадокъ храбрости въ нашемъ войскѣ и насколько могли ожидать дальнѣйшихъ удачъ, еслибы привели въ исполненіе задуманное предположеніе «нанастъ и покончить разомъ». Вотъ этотъ случай: когда музыканты пражскаго полка играли мазурку, одно изъ непріятельскихъ ядеръ влетѣло въ ихъ сторону. Моментально всѣ бросились вразсыпную—кто куда попало: одного, словно импетомъ, приплюснуло къ землѣ, другой уходитъ ползкомъ, третій на четверенькахъ и т. д.

Вдругъ разнесся слухъ, что завтра выступаемъ къ Герзель-аулу,—и мазурку смѣнило надобнѣе хриплое «ура!» Затѣмъ, опять разорвало гранату, осколки полетѣли въ разныя стороны... Я былъ въ пятнадцати шагахъ отъ этой смерти, но, признаться, смотрѣлъ на нее равнодушно, такъ какъ собирался умереть каждую минуту.

18-го іюля. Мы все стоимъ на мѣстѣ; распоряженій о дальнѣйшемъ отступленіи нѣтъ. А между тѣмъ, всѣ знаютъ, что уходитъ надо. Отрядъ нашъ въ эти минуты похожъ на израненую волками лошадь, которую они не успѣли закусать на смерть, хотя она и плохо отбивалась. Затѣмъ, у нея каждый день, при удобномъ случаѣ, отгрызали новые куски мяса.

Въ отрядѣ уныніе; чувствуется голодъ. Трудно опредѣлить, что ѣли солдаты, когда офицерамъ нечего было ѣсть. Ужасное положеніе и неизвѣстность будущаго были для насъ хуже всего на свѣтѣ. Только мужество куринскаго и кабардинскаго баталіоновъ до сихъ поръ спасало и выручало отрядъ, поддерживало его въ столь критическія минуты и удерживало горцевъ отъ дальнѣйшихъ рѣшительныхъ нападеній. Убѣждаешься въ этомъ вполнѣ, когда, оглядываясь назадъ, вспоминаешь, какъ не разъ горцы останавливали кабардинцевъ въ арьергардѣ; какъ не разъ на жертву, за спасеніе всѣхъ, оставляема была рота кабардинцевъ, и какъ они, истые герои, повинувшись своему долгу и видя, что некому имъ помочь, смыкались въ плотное каре въ виду всего отряда, грудью своею укрывали отступавшихъ собратій—и отражали нападеніе съ тѣмъ, чтобы черезъ десять шаговъ вновь выдержать такое же другое. Въ этихъ схваткахъ они гибли одинъ за другимъ,—но ни разу не позволили врагу разорвать свое каре, ни разу не покинули своихъ раненыхъ и убитыхъ офицеровъ. Отрадно было смотрѣть на это мужество, хотя и грустно было сознавать, что всего подобнаго можно было бы избѣжать, еслибы удалить въ свое время крайнюю медленность въ распоряженіяхъ и движеніяхъ отряда.

День прошелъ. Ночь набросила на печальную картину свое темное покрывало. Всѣ видѣли и знали свое безвыходное положеніе, но успокаивались надеждою на геній военачальниковъ: придумаютъ, молъ, какъ вылезти изъ бѣды, коль скоро ее накликали. Кромѣ людей, наряженныхъ въ цѣпи и залого, всѣ заснули безпечно, не зная, что будетъ завтра. Только тѣ ложились со вздохомъ и біеніемъ сердца, кто зналъ хорошо, что отъ Фрейтага зависитъ спасеніе отряда. Но что будетъ тогда, если Фрейтагъ не явится къ сроку?... (*).

(*) Въ 7 часовъ вечера, 18 числа, по дорогѣ отъ Мискита, показались войска генералъ-маіора Фрейтага. (Извлечено изъ официальныхъ данныхъ).

19-го іюля. Едва занялась заря, и предметы стали обозначаться—отрядъ зашевелился. Кое гдѣ огоньки загорѣлись ярче, и солдаты обступили ихъ, отогрѣваясь послѣ сырой и холодной ночи. Веселыхъ разсказовъ и острогъ уже не было. Въ штабахъ закурились самоварчики, на которые мы, строевые офицеры, посматривали съ завистью, подумывая, что, значитъ, дѣла не окончательно плохи, коль скоро осталось еще это удобство.

Туманъ разсѣялся; лагерь и окрестности вскрылись вполнѣ. Со стороны непріятеля началось поздравленіе съ добрымъ утромъ: полетѣли гранаты. Наконецъ, взошло и солнце, освѣтивъ собою великолѣпную картину шаухальской ямы.

Видъ, не шутя, былъ превосходный; но онъ не веселилъ сердца, не могъ разогнать унынія и однообразія, царившихъ въ лагерь....

Вдругъ, въ 9-ть часовъ утра (*) отрядъ преобразился: уныніе и тишина исчезли, уступивъ мѣсто говору, радости и шуму; лица оживились; всѣ выразительными жестами стали указывать по направленію къ Герзель-аулу—и громкое «ура!», съ восторгомъ и благоговѣніемъ, полетѣло навстрѣчу Фрейтага. Яркими лучами горѣло солнце на штыкахъ летучаго отряда. Еще разъ—«ура!» Онъ, дорогой Фрейтагъ, одинъ у насъ поправляетъ чужія бѣды; онъ одинъ—надежда и выручка. За всѣмъ тѣмъ, онъ и догадливый, разумный человекъ: горцы не надуютъ его, а свои генералы не заставляютъ стоять по недѣлямъ тамъ, гдѣ польза далеко, а бѣда близко.

(*) Къ 9 часамъ утра, 19 іюля, войска генерала Фрейтага, за исключеніемъ двухъ баталіоновъ и 4 орудій, оставленныхъ въ видѣ резерва неподалеку отъ Мискита, прибыли на поляну, отдѣляемую большимъ лѣснымъ оврагомъ отъ позиціи, занятой главнымъ отрядомъ, и поставивъ сильную батарею на удобной возвышенности, открыли огонь по занятому горцами правому берегу Аксая и по орудію ихъ, продолжавшему дѣйствовать въ колонны наши, выступавшія изъ Шаухаль-Берды. (Извлечено изъ официальныхъ данныхъ).

Генераль Фрейтагъ получалъ отъ лазутчиковъ постоянно лишь одни хорошія свѣдѣнія, а отъ князя Воронцова не получалъ никакихъ (*). Какъ дальновидный и опытный кавказскій генераль, онъ былъ, вслѣдствіе этого, поставленъ въ нѣкотораго рода сомнѣніе и подозрѣніе относительно благополучія нашего отряда,—и затѣмъ, отдалъ приказъ, чтобы всѣ войска, находившіяся въ его распоряженіи, выступили бы въ Герзель-аулъ; самъ же лично, подхвативъ въ Грозной и Воздвиженской два баталіона куринаго полка, оставилъ крѣпости подъ защитою линейныхъ баталіоновъ и полетѣлъ къ Герзель-аулу. Сто двадцать верстъ онъ сдѣлалъ въ двое сутокъ. Всѣхъ лазутчиковъ, пріѣзжавшихъ къ нему на походѣ, онъ сажалъ подъ караулъ, чтобы они не могли перенести свѣдѣній къ Шамилю о его движеніи. Эта разумная предосторожность имѣла свою причину, состоявшую въ томъ, чтобы неожиданно напасть на горцевъ съ тыла и уничтожить ихъ завалы,—что и было исполнено. Даже, по приходѣ въ Герзель-аулъ, онъ не зналъ о состояніи отряда; печальныя вѣсти были доставлены ему однимъ изъ особо посланныхъ имъ нарочныхъ. Лишь только генераль Фрейтагъ получилъ свѣдѣнія о положеніи отряда, онъ тотчасъ велѣлъ опрокинуть котлы съ варившеюся въ нихъ кашею и повелъ баталіоны въ Шаухаль-Берды, назначивъ тамъ сборный пунктъ и для остальныхъ слѣдовавшихъ за нимъ войскъ. Эти войска точно также безъ замедленія поспѣшили на помощь къ своимъ товарищамъ.

19-го іюля. Прежде чѣмъ увидѣть отрядъ Фрейтага, мы замѣтили суету и движеніе среди горцевъ. Конные и пѣшіе, они торопливо перебѣгали на высоты праваго берега рѣки Аксяя. Тогда

(*) Къ генералу Фрейтагу приказаніе о движеніи къ Мискенту было послано отъ главнокомандующаго съ пятью лазутчиками. Всѣ они благополучно исполнили свое порученіе, но первое извѣстіе получено было въ Грозной только въ полночь съ 15 на 16 іюля. (Извлечено изъ офиціальныхъ данныхъ).

генераль Фрейтагъ открылъ по нимъ огонь, подбилъ у нихъ орудіе и заставилъ отступить далѣе. Когда на склонѣ горъ показалась спасительная колонна,—въ нашемъ лагерѣ заиграли «по возамъ» и стали готовиться въ путь. Часамъ къ двѣнадцати авангардъ тронулся по узкой лѣсной дорогѣ; голову лѣвой цѣпи составляла карабинерная рота подѣ моимъ начальствомъ. Когда мы отошли полверсты, отряду приказано было остановиться. Выстроивъ моихъ людей и облокотясь на винтовку, я ждалъ, что будетъ далѣе. Я взглянулъ вокругъ и увидѣлъ, что въ чащѣ темнаго лѣса насъ трудно было отличить отъ древесныхъ пней и стволовъ,—такъ всѣ были грязны, черны, неподвижны. Я призадумался. Съ трудомъ вѣрилось въ тѣ лишенія и пчеловѣческіе труды, которые мужественно, безъ ропота, перенесли несчастные солдаты, находясь ежеминутно между жизнью и смертью. Закопченные отъ пороха и дыма, стояли они теперь молча; на лицахъ—ни страха, ни горя; всѣ какъ то безчувственны, безжизненны. Никогда не изгладится изъ памяти моей эта тихая, торжественная минута, которую мы провели въ ожиданіи, какъ думали, сигнала. Но сигнала пока не послѣдовало, а взамѣнъ его вдругъ показались изъ чащи наши однополчане—куринцы. Всѣ они были въ чистенькихъ, въ сравненіи съ нами, мундирахъ, въ бѣлыхъ брюкахъ, съ блестящимъ въ рукахъ оружіемъ. Воинственный духъ, отвага, составлявшіе грозу для горцевъ, отпечатлѣвались на ихъ спокойныхъ лицахъ, готовыхъ всегда и всякую минуту смѣло встрѣтить врага. Любуясь этими молодцами, я гордился честью принадлежать къ ихъ мундиру и носить ихъ славное имя. Въ ихъ рядахъ раздавались обращенныя къ намъ слова: «Идите, товарищи, съ Богомъ,—а мы здѣсь постоимъ за васъ.» Сколько тутъ было распросовъ о землякахъ, о родственникахъ;—и почти на каждый вопросъ слышались однообразные, глухіе и отрывистые отвѣты: убитъ, раненъ, пропалъ безъ вѣсти! Мы тринадцать дней не видѣли крохи хлѣба. Предвидя подобное наше положеніе изъ личнаго опыта, товарищи наши хотя и опрокинули котлы съ

кашею, но захватили для насъ по куску хлѣба, который тотчасъ же перешелъ въ наши руки.

Отрядъ генерала Фрейтага занялъ всё наши позиціи, а мы, толпою, безъ всякихъ начальствъ, поплелись къ Герзель-аулу (*).

21-го іюля. Нашъ баталіонъ получилъ приказаніе конвоировать до амиръ-аджіпуртовской переправы, на Терекъ, нашего любимца Фрейтага. Оттуда генераль поѣхалъ въ Грозную, а намъ велѣно было идти чрезъ станицы линейныхъ казаковъ на кантонирь-квартиры. Выйдя на берегъ и построившись поротно, солдаты запѣли пѣсню и весело направились къ старымъ кунакамъ—гребенскимъ казакамъ.

Такъ кончилась достославная, въ своемъ родѣ, даргинская экспедиція.

Николай Горчаковъ.

(*) Всѣ войска продолжали движеніе къ Герзель-аулу, выступивъ изъ лагеря 20 числа въ 10 часовъ утра, и въ 4 часа пополудни прибыли въ укрѣпленіе Герзель-аулъ. (Извлечено изъ официальныхъ данныхъ).